



Архимандрит Киприан в своей комнате в доме Е. и А. Стебутов. Белград. Частное собрание

ЛИНИИ СУДЕБ И ЖИЗНЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

ТЕКСТ

АЛЕКСАНДР
КЛЕМЕНТЬЕВ

Исполняется 125 лет со дня рождения архимандрита Киприана (Керна), профессора православного Богословского института в Париже и начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме, успешнейшего ученого богослова и церковного педагога, сумевшего перевести на русский язык многие сочинения святителя Григория Паламы.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ

Родившийся 29 апреля (11 мая) 1899 года в Туле Константин Эдуардович Керн жил с раннего детства в Петербурге — вместе с родителями, сестрами Екатериной и Анной и пропавшим во время смуты в Грузии братом Михаилом. В 1916 году он окончил гимназические классы Императорского Александровского (бывшего Царскосельского) лицея. После февраля 1917 года начал учиться на юридическом факультете Московского университета и служил в Главном топливном комитете. Выбор дальнейшего поведения Константина определило получение удостоверения от 26 июля 1919 года о состоявшемся призыве его в Красную армию с оставлением на прежнем месте службы.

Навязанное красноармейство он заменил молниеносным отъездом в Крым, где прослужил в ординарском батальоне Русской армии П. Н. Врангеля вплоть до общей эвакуации в Константинополь. Оттуда он почти сразу перебрался в Белград к сестре Екатерине и её супругу профессору-агроному А. И. Стебуту — самым любимым и близким ему на всю жизнь людям. Здесь он окончил в ускоренном темпе юридический (14 марта 1921 – 17 февраля 1923 года) и богословский (1923 – 30 июня 1925 года) факультеты Белградского университета, причем в течение трех учебных лет он был помощником

инспектора семинарии и получил направление служить в Духовной семинарии города Битоля в Македонии. Привычка даже в тяжелых обстоятельствах жить, не теряя ни минуты, определила весь дальнейший его путь.

В ПАЛЕСТИНЕ

Первые мысли о возможности выбора пути монашеского встречаются, кажется, в его переписке с крымским сослуживцем Николаем Корюком, умершим вскоре в Чехословакии. Но окончательным основанием для такого решения послужило, судя по сохранившимся свидетельствам, неудачное сватовство к Софье Михайловне Зерновой, со временем заслужившей репутацию успешной «поставщицы кадров» для зарубежного русского монашества. Собственно в монастырях будущий архимандрит почти не живет, если не считать краткого пребывания в Мильковском монастыре Браничевской епархии, руководимом прославившимся строгостью жизни архимандритом Амвросием (Кургановым), постригшим Константина в монашество 2 апреля 1927 года. 4/17 апреля его поставляют во иеродиакона, 8/21 апреля митрополит Антоний (Храповицкий) поставил его во иеромонаха. А уже 22 июня (5 июля) 1928 года, без всякого опыта административной церковной работы, он был назначен на одну

из самых значительных должностей в Русской Церкви — начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме.

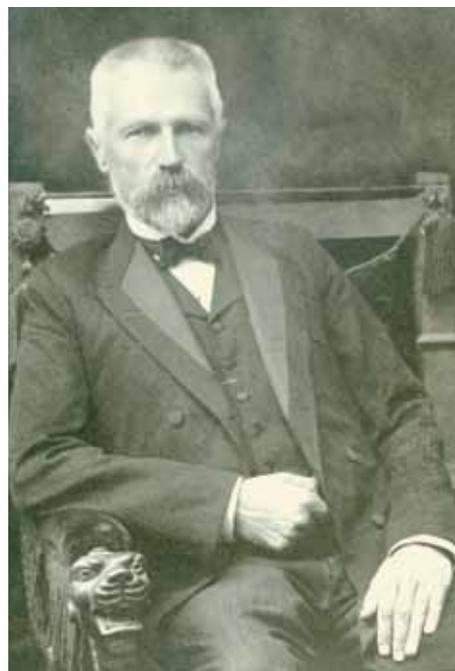
Согласиться на это его вынудил митрополит Антоний, возжелавший именно 29-летнего импозантного красавца отца Киприана, свободно владевшего немецким, английским, французским, сербским и новогреческим языками, направить в «самое дорогое для нас место на всей земле — священный Иерусалим, который для нас дороже всей России». Здесь молодой архимандрит близко знакомится с Наблюдающим за делами Миссии (в 1925–1936 годах) — прежним Кишиневским архиепископом и будущим первоиерархом РПЦЗ Анастасием (Грибановским), и сразу увлекается личностью фактического создателя Русской Палестины архимандрита Антонина (Капустина), начинает писать очерк, до сего дня остающийся единственным заметным исследованием его необыкновенной судьбы. Но тяжкие хозяйственные заботы и необходимость во всем согласовывать свои действия с архиепископом Анастасием побуждают отца Киприана оставить Британскую Палестину. Вместе с ним в Европу перемещается и часть архива отца Антонина. С момента назначения в Иерусалим и до начала новой мировой войны отец Киприан ведет дневниковые записи, фрагмент которых уже дважды публиковался.



Катя и Костя Керны. Частное собрание



Глафира Дамиановна Керн. Ленинград. 1 августа 1928. Частное собрание



Эдуард Эдуардович Керн. Париж. 1930. Частное собрание

ЛЮБИМАЯ СЕРБИЯ

Предложенному подданству Британской империи, открывавшему путь в половину земного шара, отец Киприан предпочел нежно любимую Сербию, куда возвращается уже подданным монарха Югославянского и клириком Сербской Церкви, в связи с чем определенно обозначает свою национальную и церковно-общественную позицию в письме владыке Анастасию 5/18 марта 1931 года: «Переходя в подданство сербское, Вы не меняете ни веру, ни национальность, ни родные обычаи, ничего для Вас священного. Для всякого православного (а лично мне, как монаху, в особенности) подданство не должно иметь ничего сакрального, мистического, того, что подданству навязали: учебник государственного права, римско-правовое мировоззрение, чуждый нам германо-романский феодализм. Идея государства и принцип подданства с точки зрения истинного, чистого, т.е. православного христианства — суть идолы, иные бози, к[ото]рым запрещено кланяться. Это фикция — такая же, как и мундир, его честь, как флаг, герб, сословный аристократизм (в отличие от насто-

ящего аристократизма духа, при- сущего всякому духовно культурно- му существу, независимо от того, в какую дворянскую книгу он запи- сан)». Слова эти вполне подходили и к самому их автору... Родившийся в самой обыкновенной семье (Глафи- ра Дамиановна Тимофеевская была дочерью купца, Эдуард Эдуардович Керн — сыном немецких мещан), он пользовался славой утонченного и надменного аристократа-интел- лектуала, хотя к дворянскому досто- инству сопричислен был лишь как сын своего отца, директора Лесного института, ставшего статским со- ветником... Родители отца Кипри- ана дожили до 1937 года и могила их на Никольском кладбище Лавры уцелела.

В 1931–1936 годах он препода- ет в Духовной семинарии в Битоле: постоянно — апологетику и грече- ский язык, временно — литургику, церковное право и Священное Пи- сание Нового Завета, здесь увле- кается переводами святителя Гри- гория Паламы и еще долгие годы отделяет и совершенствует их для напечатания, до сих пор не осу- ществленного: «... еще в Македонии, в бытность мою преподавателем и инспектором сербской дух. [овной]

семинарии, я, сначала шутя и ради убийства времени, а потом серьез- но и с увлечением начал перево- дить с греческого произведения св. Григория Паламы, знаменитого византийского мистика XIV в. Тут в Париже с год тому назад я закон- чил перевод всего, что напечатано у аббата Migne», — сообщал отец Киприан И.А. Бунину 20 декабря 1944 года.

БЛАЖЕННАЯ СВОБОДА ЦЕРКОВНОГО БЫТИЯ

В 1936-м он покидает Церковь Сербскую и переселяется в Па- риж, приняв приглашение экзарха Вселенского патриарха митрополита Евлогия (Георгиев- ского) занять кафедру литургики, а затем и патрологии (в 1941-м), служит настоятелем парижской Покровской церкви (в 1936–1939), а после, ровно два десятиле- тия, — настоятелем храма святых Константина и Елены в усадьбе Трубецких в парижском приго- роде Кламар, ценя его необычно- венно за отсутствие постоянного прихода и сопутствующих тя- гот... Сюда он по полдня *добира- ется пешком* с Сергиевского по- дворя в нелегкие военные годы.

Здесь складывается малочисленный кружок тонких ценителей изысканного интеллектуального общения.

Это время в Париже он расценивал как невозможно счастливое: «никто, как мы, не чувствовал так ту блаженную свободу церковного бытия, при которой только и может процветать Церковь. Мы не были подчинены никакой государственной власти, и, будучи лояльны Франции, мы и горя не знали. Росли церкви, приходские школы, умножалось число иночествующих, цвела богословская мысль и наука. Сам митрополит Евлогий, не обладающий пафосом научного исследования и творчества, понимал необходимость оного и покровительствовал науке. Он создал Богословский институт, в котором я имею высокую честь быть профессором и в котором я в прошлом году защитил докторскую диссертацию о святителе Григории Паламе. Инсти-

тут приобрел мировое имя; в нем собрались последние светила русской богословской и философской науки до-революционного времени. Не только в области науки, но и во всех сферах церковной жизни мы испытывали благотворное влияние свободы. Мы жили полной жизнью; так, как в изгнании трудно даже жить» (Письмо от 10 января 1946 года).

ВНЕ ПОЛИТИКИ

Архимандрит Киприан определенно не принадлежал к числу русских обитателей Парижа, приветствовавших советские успехи во Второй мировой войне, но, происходя из вполне двуязычной русско-немецкой семьи, не был и сторонником победы германской (в отличие от другой жертвы бессердечия С. М. Зерновой — князя Димитрия Шаховского, уже в 1950 году ставшего епископом Сан-Францисским и пере-

Окруженный собранными архимандритом Киприаном экзотическими растениями профессорский дом на Сергиевском подворье, где он жил. Красной стрелкой обозначено выходящее на сад одно из двух окон угловой комнаты, в которой он скончался.
Фото автора ↓

Архимандрит Киприан на прогулке в лесу.

Франция. 1938 год.

Частное собрание





Отец Киприан с бенедиктинцами из монастыря в Шеветони. Слева отец Ламбер Бодуэн. Частное собрание

жившего о. Киприана на три десятилетия). Для британской палестинской администрации он оставался в первую очередь русским аристократом, с которым не зазорно иметь дело, для германской администрации парижской — ученым арийцем, обитателем русского Сергиевского подворья, расположенного в выкупленной усадьбе бывшего немецкого приюта, основанного почти святым немецким пастором Фридрихом фон Бодельшвингом-старшим, но как-то удерживался вне политического бытования своего времени, оставаясь выраженным противником большевизма и в действиях своих руководствуясь в первую очередь соображениями церковной пользы. Вероятно, этим в значительной степени определялось и его неодобрительное

отношение к любого вида «возвращенчеству»...

Не жаловал отец Киприан и заповдалых французских патриотов, вылезших из своих углов и от души гонявшихся за совсем уж не опасными воображаемыми врагами после освобождения Парижа. Именно от их нашествия довелось ему безуспешно оборонять алтарь храма подворья после оставления Парижа германцами.

НЕТ НИ ЭЛЛИНА, НИ ИУДЕЯ

Выраженное митрополитом Евлогием желание покинуть юрисдикцию Вселенского патриарха завершилось 29 августа 1945 года его воссоединением с Московским Патриархатом с последующим назначением его 7 сентября 1945 года экзархом патриарха Алексия (Симанского). Отец Киприан расценил это как

трагедию подлинную и постыдную: «...и вот по личному желанию м. Евлогия, безо всякого согласия с большинством пастырей, без хотя бы какой-нибудь инсценировки той пресловутой соборности, о которой мы все говорим, которой мы хотим побеждать римо-католиков и для чего-то постоянно тревожим память Хомякова и др., по личному, стало быть, желанию Митрополита мы отданы были в распоряжение Москвы. Правда, Вселенский Престол не высказал еще своего решения и не дал нам еще пока отпускной грамоты, но тем не менее, как Вы знаете, приехавший из Москвы прелат сумел убедить Митрополита, а нас всех просто отдали. Митрополит, после двух пастырских собраний, на которых он слышал голоса многих пастырей, не сочувствующих присоединению, единолично или, вернее,



Л.А. Зандер и архимандрит Киприан принимают экзамен в Парижском Богословском институте. Частное собрание

в согласии с немногими пошел на подчинение Москве. Правда, имя Вселенского Патриарха мы возносим, и Митрополита поминаем как Экзарха Кон[стантино]поля, а не Москвы, но всё же событие имело место и, увы, всё блестящее прошлое нашего Митрополита заканчивается таким неславным эпилогом.

Трагично и другое. Для человека немного искушенного в истории Церкви и наблюдающего если и не весь многовековой исторический процесс, то по крайней мере последние полстолетия, становится страшно за будущее. И тут-то вот чувствуешь, что никто не лучше м. Евлогия. Все иерархи одинаково страдают этим уклоном государственному покровительству и чрезмерной преданности мирскому (государственному и национальному) началу. [...] Держался правильной линии аполитично-

сти только один м. Евлогий, почему сердца всех нас так тянулись к нему и почему мы и прощали ему многое. Собор в Карловцах ставил на „Дом Романовых“, потом один из его возглавителей [т. е. митрополит Анастасий (Грибановский).— А. К.] на Хитлера (и знаете ли, апология его в его послании весьма мало убедительна), а другой член этого собора поставил на цареубийцу Павелича и стал хорватским „патриархом“ [т. е. Екатеринославский архиепископ Гермоген (Максимов).— А. К.], теперь м. Евлогий, горя чувством любви к Родине и восхищаясь доблестью русского народа (и при чем в Евангелии и Родина и доблесть каких-то солдат, во имя чего бы они ни шли убивать), пошел на подчинение той церковной власти, которая зависит от боготорцев; создали после той войны Речь Посполитую, и русские

иерархи до такой степени „опилсудились“, что тошно было читать Варшавский церковный журнал [т. е. варшавский еженедельный журнал „Воскресное чтение“.— А. К.]; греческие иерархи во всех странах эллинской культуры были венизелитами; сербские мои бурсаки в Битоле говорили мне: „прво сам Србин, пак ток после православни“ [Сначала я серб, а только потом православный], и т.д. и т.д.

Почему церковь должна быть в объятиях государственной власти? Почему иерархи всегда были послушны каким-то чиновникам? При чем тут русское Православие? Почему я должен быть именно русским православным? Я именно и не хочу быть русским, или сербом, или греком, а я остаюсь православным т.е. вселенским, таким, для которого нет ни Эллина, ни Иудея, ни Скифа.



Красной стрелкой обозначен черный деревянный крест на могиле родителей архимандрита Киприана — справа от склепа издателя А.С. Суворина. Никольское кладбище Александро-Невской лавры. Фото автора

Почему мы так крепко и безусловно связали свое церковное существование и свою пастырскую идеологию с законопослушностью власти государственной и то всякой, какой бы то ни было государственной власти? Почему мы так подчеркиваем свое национальное, русское или греческое? Неужели и на том Страшном Суде, которого мы все чаем, будем мы отвечать по национальным признакам? Почему забыли мы слова Евангелия и слова апостола? Почему не вспомнить вот эти всеми уже давно крепко позабытые слова из письма к Диогнету: „Христиане живут в своем отечестве, но как пришельцы; имеют участие во всем, как граждане, но терпят все как чужестранцы; ДЛЯ НИХ ВСЯКАЯ ЧУЖАЯ СТРАНА ЕСТЬ ОТЕЧЕСТВО, И ВСЯКОЕ

ОТЕЧЕСТВО — ЧУЖАЯ СТРАНА“ (Письмо от 10 января 1946 года).

ОН БЕЗВРЕМЕННО УСТАЛ ЖИТЬ

Отпускная грамота от Константинопольского патриарха получена не была, решение о воссоединении с Москвой вызвало неприятие большинства паствы экзархата, и советская попытка поглощения части Русской Церкви за рубежом рассыпалась после кончины митрополита Евлогия 8 августа 1946 года и твердого заявления ему наследовавшего митрополита Владимира (Тихоницкого) о непринятии им соединения с Москвой. Это решение поддержал сильно переживавший происходившее отец Киприан.

«„Человекообщение“ с кем бы то ни было для меня очень затруднительно,— писал он сестре в Бел-

град 11/24 сентября 1950 года.— [...] Я, по-видимому, пар уже отработанный. Да! разные бывают линии судеб и жизней человеческих».

Однако ему предлежало целое десятилетие службы в Институте и в Клараме, учреждение «Литургических недель» (юбилейный 70-й colloquium - «Евхаристические молитвы» пройдет 2-5 июля 2024), разностороннее сотрудничество со стремящимися познать православие христианами Галлии, которые постоянно укрепляли его в однажды сделанном выборе: «Живя в стране высокой латинской культуры и постоянно общаясь с выдающимися представителями католической науки и иерархии, особенно остро переживаешь их упреки в филиетизме и чрезмерной законопослушности власти Кесаря»,— утверждал он в том же письме.



Надгробие архимандрита Киприана на кладбище в Клараре. Фото автора

Архимандрит Киприан почил в своей крошечной и почти для всех недоступной квартирке в профессорском доме Богословского института, окруженном возвращенным им и поныне благополучно существующим садом экзотических растений, которые он отыскивал по всему миру. «Он безвременно устал жить и видел во сне близких ему ушедших, которые его звали. Он предчувствовал свою кончину, и мне о ней поведал,— вспоминал любимый ученик отца Киприана протопресвитер Борис Алексеевич Бобринской,— Заболел воспалением легких [...] Он скончался под утро 11-го февраля [1960 года] в день памяти св. священномученика Игнатия Богоносца, в 60-летнем возрасте, в своей комнате на Сергиевском подворье (теперь в ней кабинет декана института), оставив богатое богословское наследие и благодарную о себе молитвенную память у множества своих духовных детей».

Похоронили архимандрита Киприана в Клараре, в могиле его друга Константина Михайловича Ону (SECTION P. ALLEÉ du ONZE NOVEMBRE), умершего десятью годами ранее. Захоронение отмечено необычной для русской могилы стелой белого камня с красного цвета текстом:

Архимандритъ
КИПРИАНЪ КЕРНЪ
род 11/24 мая 1899 г.
†29 янв/11 февр 1960 г.

Его архив и редкую библиотеку унаследовала и разобрала любимая сестра — Екатерина Стебут. ■

Все фотографии публикуются впервые.

О ЖИЗНИ АРХИМАНДРИТА КИПРИАНА КЕРНА

Иван Бунин и архимандрит Киприан Керн. Переписка (1940–1948) // Вестник РХД. 1992. № 164. I. С. 158–187.

Клементьев А. К. 753 дня архимандрита Киприана. Дни и дела Начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме: 1928–1930 // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Иерусалим. 2012. С. 50–71.

Протопресвитер Борис Бобринский. Несколько слов об архимандрите Киприане (Керне) // ВЕДС. Вып. 4 (16). 2016. С. 189–196.

Клементьев А. К. Парижские церковные события 1945–1946 гг. в оценке архимандрита Киприана (Керна) // Вестник РХД. 2016. № 205. I. С. 166–180.

НА ЮБИЛЕЙНОЙ КНИЖНОЙ ВЫСТАВКЕ В БАН

Здесь представлены все известные книги и брошюры отца Киприана, в том числе довоенные: «Крины молитвенные» (1927) и «Отец Антонин Капустин» (1938), редкие брошюры на сербском языке, написанные уже в Богословском институте монографии «Евхаристия» (1947), «Антропология св. Григория Паламы» (1950), «Православное пастырское богословие» (1957) и выпущенный его друзьями бельгийскими бенедиктинцами указатель патристических текстов «Les traductions russes des textes patristiques» (1960). Можно увидеть и большинство журнальных публикаций отца Киприана, копии различных документов, объявления о его лекциях, а также множество фотографий, освещающих жизнь его и ему близких в России, Палестине, Сербии и Франции.